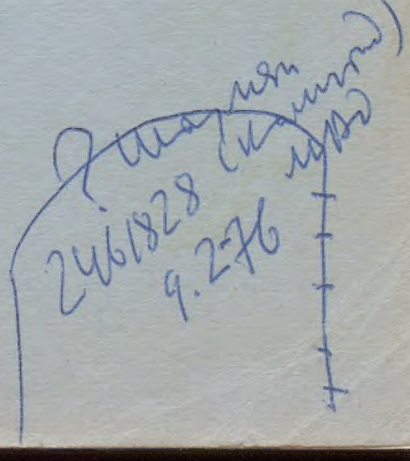
246828
9.276

Ю.СЕМЕНОВ

"П Р Е С С - Ц Е Н Т Р"

Литературный сценарий

5-я серия

Режиссер С.АРАНОВИЧ

- Пришло меньше половины журналистов из тех, кого я обзвонила,- сказала Мари.

Она сидела рядом со Степановым в баре Пресс-центра.

Степанов наклонился и тихо сказал:

- И наивно думать, что даже тот, кто пришел во всем поверят вам и мне, во всем с нами согласятся и напечатают то, что мы намерены сейчас рассказать им.

- Да, это так,- шепнула в ответ Мари.- Будем начинать или отменим?

- Терять нечего, начинайте,- улыбнулся Степанов.

Мари поднялась и, вздохнув, оглядела собравшихся:

- Дорогие друзья, спасибо, что вы нашли возможным принять мое приглашение... Каждый из нас понимает друг друга, поэтому я не буду в обиде, если вы не сможете напечатать то, о чем я и наш русский коллега Степанов хотим вам рассказать... Речь пойдет об убийстве Леопольдо Грацио, о покушении и смерти инспектора Шора, о личности доктора Цорра, который обвиняет Барри Дигона в империалистической активности, о мафии, ее палермской с е м ь е, с Доном Валоне, о его служащем Витторе, который "охранял" Грацио, а ныне обнаружен убитым, о загадочной гибели фрау фон Варецки... Мы не подготовили никаких заявлений, но мы готовы ответить на все вопросы и я хотела бы надеяться, что вы проинформируете мир о той тревоге, которую испытываем мы, думая о судьбе несчастного Гариваса.

Мари села, сразу же потянулась за водой, губы ее были сухие, потрескавшиеся; Степанов заметил, что вокруг ее рта за эти дни залегли морщинки, которых раньше не было.

- Отделите злаки от плевел,- сказал корреспондент из Иоганесбурга.- Не путайте Мафию с делом Грацио...У меня

создалось впечатление, что вы бабахнули этот материал, чтобы привлечь к себе дополнительное внимание, это не профессионально, мисс Кровс.

Мари растерялась, не нашла, что ответить.

- А почему вы так тревожитесь за Гаривас?- начал атаку один из парагвайских журналистов; Мари не знала его, приехал совсем недавно.

- Потому,- ответила Мари,- что все происходящее там очень напоминает ситуацию накануне убийства Альенде.

- Вы брали интервью у Санчеса,- продолжит свой вопрос журналист.- Это мало кому удавалось, только вы, да еще Жюль Бреннер из Парижа, который передал, что на днях его примет полковник. Во время этого интервью Санчес говорил вам что-либо такое, что просил не предавать гласности?

Степанов закурил и, медленно затушив спичку, заметил:

- Вы не представились, коллега...

- "Опинион", Парагвай, с вашего позволения.

- Это новая газета?- осведомился Степанов, сдерживая улыбку.- Или хорошо реанимированная старая?

- Нас сюда пригласили задавать вопросы,- ожесточился журналист.- И я задаю мои вопросы. И это по правилам. Когда я приглашу вас на свою пресс-конференцию, я стану отвечать вам, а сейчас я бы хотел услышать ответы мисс Кровс.

Мари посмотрела на Степанова как-то ищуще, и в глазах у нее он заметил растерянность.

- Да,- сказала, наконец, Мари,- некоторые свои ответы полковник Санчес просил не публиковать.

- Какие?

- Он же просил меня не публиковать их...Следовательно, я не могу ответить на ваш вопрос.

- Вы знали полковника Санчеса в те годы, когда он усился в Бонне?

- Да,- ответила Мари.- Знала.

Фриц Узен поднял палец над головой:

- Фрейлен Кровс, отчего вы не печатаете то, что знаете?

- Те органы прессы, к которым я обращаюсь, отказались публиковать мои материалы...Я приготовила копии, вот они,- Мари положила ладонь на папку,- каждый может взять их и использовать, если сочтет нужным...

- Господин Степанов,- спросил журналист из Голландии,- вы получили задание своих властей на то, чтобы проводить расследование вместе с Мари Кровс?

Степанов пожал плечами:

- Здесь был изуродован мой коллега...И ваш, кстати, тоже... Стоянов... Он лежит без сознания в госпитале, в Софии... Его изуродовали потому, что он взял материалы фрейлен Кровс,- Степанов кивнул на папку.- Я считал своим долгом войти в этот поиск, речь идет о судьбе и жизни повторяю, нашего коллеги.

- Вы, так же как фрейлен Кровс, считаете,- спросил журнались из Туниса,- что убийство Грацио, покушения на Шора и Стоянова, зверство по отношению к фрау фон Варецки, как-то связаны с тем, что происходит в Гаривасе?

- Полагаю, что - да. Особенно если вы проанализируете ситуацию на бирже, а она - загадочна.

Главный редактор "Ньюз" разговаривал с Дигоном по телефону:

- Материалы, которые прислал наш корреспондент из Швейцарии, у меня, и я хочу еще раз посоветоваться с вами.

Дигон ответил в обычной своей манере, с мягким стариковским юмором:

- Джордж, я не вправе вам советовать, печатайте, что хотите, пусть себе, но только мне не совсем понятно, зачем нам позволять позорить американский бизнес? Зачем связывать какого-то мафиози Валлоне с Уолл-стритом? Хватит, право! Надоело! Пусть об этом пишет русская пресса, а не наша... Разве я виноват в том, что адвокат, обслуживающий один из моих банков, подрядился защищать этого самого порнографического сукина сына?!

- Барри, я считал своим дружеским долгом позвонить вам.

- Спасибо, мой дорогой, повторяю, я переживу и это, но в данном случае мне просто-напросто обидно за моих коллег.

Дигон положил трубку. Лицо его стразу изменилось. Весь запас юмора я потратил на то, чтобы верно говорить с главным редактором. Он тут же позвонил Вэлшу.

- Майкл,- сказал Дигон.

Вэлш выслушал Дигона и сказал:

- Я немедленно займусь этим вопросом, я сделаю все, чтобы погасить этот скандал в зародыше, не тревожьтесь, Барри.

Ролл и Вэлш встречались на своем старом месте. Они прогуливались по тропинке леса.

- Значит, старик забеспокоился?- спросил Ролл. -

- Я дал совет редактору газеты вынести на первую полосу шапку: Барри Дигона обвиняют в заговоре,- продолжал Ролл.- Впрочем, подробности просил опустить имя русского журналиста, не упоминать вовсе, а Кровс ни в коем случае не называть "левой", это "девальвирует сенсацию". Они напишут о мафии, о доне Валлоне, о гибели актрисы Сфорца, о покушении на инспектора и т.д. Скандалу будет придан светский характер, очередная сенсация, которую надо еще документировать, хотя Дигону придется раскошелиться на пару кусков мыла, чтобы отмыться.

Степанов просматривал вечерние газеты.

- Дигон...опять Дигон... Ни слова о Гаривасе, просто светская хроника. Надо бы постараться выяснить, кто контролирует пакет акций этих газет,- он повернулся к Мари,- В этом, кстати, может быть собака и зарыта...

Мари устало махнула рукой:

- Я ни во что не верю более... просто-напросто мерзко.

- Это не по-борцовски. Согласен- мерзко. Надо продолжать драться. Но мне кажется, что наступил тот момент, когда без помощи папы продолжать драку невозможно. Нужен Вернье.

Ролл заканчивал ужинать, когда в доме раздался звонок телефона.

Звонил директор ФБР.

- Майкл, вынужден вас потревожить. Предлагаю встретиться

сегодня же, в любой час, хоть в полночь, по делу чрезвычайной важности. Я бы рассказал по телефону и выслушал ваши соображения,- усмехнулся директор,- но поскольку в небе летают не только спутники НСА, но и космические корабли конкурирующих организаций, то прошу ко мне.

Когда Майкл Вэлш приехал к нему, директор открыл сейф и положил перед ним папку:

- Я хочу предварить наше последующее объяснение только одним замечанием, мистер Вэлш... Мы установили за вами наблюдение и выяснили все о вашей л и ч н о й работе по Гаривасу. Я имею в виду инициативы, тайно замышленные вместе с мистером Роллом, при том, что Дигон был задействован в качестве фигуры прикрытия.

Вэлш ощутил в солнечном сплетении гулкую пустоту, пальцы заледенели; он открыл папку, пролистал страницы; в глазах рябило, не мог зафиксировать в сознании строки, они ломались, змеились, делались черными, страшными и безответными точками и тире;

Вэлш закурил, попробовал собраться, но никак не мог понять, какую линию поведения следовало избрать сейчас.

- Ваши предложения?- спросил, наконец, Вэлш, чувствуя, как трудно ему говорить: скулы свело, язык сделался сухим и тяжелым.

- Вы получали деньги от Ролла?- спросил директор ФБР.

- Должен был получить,- радуясь тому, что он может облегчить себя признанием, ответил Вэлш.

– А от Дигона?

– Нет.

– Вступая в сговор с Роллом, вы понимали, что можете,– в своекорыстных целях подвести Соединенные Штаты к грани войны?

Вэлш молчал.

– Я хочу, чтобы вы произнесли "да" или "нет", мистер Вэлш.. Вы отдавали себе отчет в том, что ваша операция могла поставить Штаты на грань войны?

– Да...

– Это все, что я хотел от вас услышать. Вы вправе принять решение по поводу того, как вам следует поступить. Я вас более не смею задерживать.

Не чувствуя сил подняться, Вэлш вяло спросил:

– И вам давно все это было известно?

– С самого начала.

– С самого начала?! Почему же меня не вызвал к себе он?! Отчего он не спросил, почему я так поступаю?

– Я думаю, он не станет отвечать вам на этот вопрос, мистер Вэлш, как и вы не стали бы отвечать на подобного рода вопрос своему сотруднику, заподозренному вами в нечестности.

– Но ведь должны быть какие-то нормы морали! Нельзя быть такими жестокими друг к другу! Ведь операцию еще можно остановить! Есть время! Вы понимаете, все еще можно остановить?! И вернуть в прежнее состояние!Я готов это сделать из вашего кабинета! Позвольте мне сделать это! У нас в запасе несколько часов! Вечность!

– Мистер Вэлш, в вашем положении не следует думать о вечности. Я же сказал: у вас есть сугубо ограниченное время для

того, чтобы принять необходимое решение...Полагаю, в ваших интересах, точнее говоря, в интересах вашей репутации и, таким образом, репутации вашей семьи, это стоит сделать сегодня ночью... Многие придут с вами прощаться, поэтому делайте это не в лицо.

Фото: Кабинет. На полу, у стола лежал мертвый Вэлли.

Текст: Через час после того, как стало известно, что Вэлли застрелился, ФБР дало указание задержать сообщение в прессу, а завтра утром дать версию "скоропостижной смерти по поводу острой сердечной недостаточности".

Джеймс Боу позвонил директору ЦРУ домой поздно, в одиннадцать:

– Слушай, дело стоит того, чтобы мы выпили с тобой по стакану молока. Как ты отнесешься к этому?

– Без молока не уснешь?

– Боюсь, что нет...

– Приезжай... Только возьми такси, ладно? И останови его на углу, не доезжая моего дома.

– Ах, даже так?

– Всегда так, Джеймс...

Он встретил Боу на пороге, провел его в библиотеку; на вто-

ром этаже слышалась громкая музыка и молодые голоса; директор пояснил:

- Вечеринка у детей, пусть уж лучше сходят с ума дома, чем в дискотеках, такая грязь, такое падение нравов, марихуана и прочее.

- Внеси предложения взять дискотеки под контроль,- усмехнулся Джеймс,- только где тогда станешь черпать кадры осведомителей?

- Ты несносный циник, старина. Что стряслось?

- Дай молока, я действительно не могу без хорошего молока, а в отеле от меня шарахаются,- дают только по утрам, вечером изволь пить пиво...

- Снимай пиджак, сейчас принесу...

Лишь только после того, как Боу жадно выпил целый пакет молока, он достал платок, вытер лоб, расстегнул воротник мокрой рубашки и сказал:

- Слушай, старина, возникает любопытная штука... Вокруг интересующих тебя людей, особенно вокруг майора Лопеса, ходят парни Дигона, Рокфеллера и Дэйвида Ролла...

- Ты преувеличиваешь...

- Нет, это действительно так... И они замыкаются на Майкле Вэлше, есть у тебя такой?

- Черт его знает,- ответил директор,- очень может быть, что и есть, знаешь, сколько их у меня... Только ради этого ты примчался ночью?

- Погляди, старина, погоди... Мы с тобою, по-моему, последний раз хитрили в Канзас-сити, подсовывая друг другу содовую,

чтобы не пить водку, которой нас там хотели накачать... Что случилось?

- Ты сошел с ума!-Директор даже закурил.- Как тебе не совестно?! Я хитрю с врагами, и мне за это платят деньги, это мой бизнес, Джеймс, но я никогда не хитрю со своими, не говоря уже о друзьях...

Боу сунул в рот мятную сигарету, как и обычно не стал прикуривать, снова полез за платком, скомкал его в кулаке, начал вытирать со лба, быстрые струи пота, потом тихо засмеялся:

- Хорошо, старина, ты так отменно ответил, ты не всегда был у нас самым ловким... Я все понял...Я понял теперь все...

- Что ты понял, Джеймс?

Он спросил это так, что Боу вдруг испугался.

- Зачем я полез в это дело,- сказал он,- старая дружба, братья по колледжу, сентиментальная блевотина!

- Я понял, что зря полез в это дело, потому что похож на слона в лавке, где торгуют китайским фарфором...Вы - ювелиры, а я в детстве объезжал коней...

- Именно поэтому я и попросил тебя войти в дело, Джеймс,- прежним голосом, полным дружелюбия и простоты, заключил директор.- Мне надо, чтобы ты объездил диких испанских жеребцов. Мои ювелиры этого не сделают, а что касается фамилий, которые тебе попались из числа наших финансовых спрутов, то выкинь их из головы, ими занимаются другие люди, а скорее всего это ловко состряпанная дезинформация, которую проглотили мои мальчики, отдав за это изрядную сумму из нашего годового бюджета... Если ты помнишь, я обещал тебе назвать те акции, которые следует купить... Знаешь, как самому близкому другу, посоветую

тебе обратиться за информацией к Роберту Карру, это парень с хваткой, он даст тебе точный совет, повторяю, ты застрахован от неудачи, я - отвечаю...

Поздно вечером Степанов добрался до советского посольства в Париже. Посол принял Степанова сразу же. Степанов ощущал изнуряющий озноб. Видимо, разыскивая Цорра, простудился, а в машине, когда гнал из Марселя в Ниоф, просквозило еще больше.

Андреенко, видимо, заметил нездоровый румянец Степанова, пошел в соседнюю комнату, вернулся с аптечкой:

- Здесь прекрасный антибиотик, совершенно безвредный...

- Реклама утверждает?- спросил Степанов.

- Я,- ответил Андреенко.- Испробовал на себе, запейте "боржоми" и заешьте аскорбинкой.

- Хорошо бы аспирина, Петр Васильевич.

- Пожалуйста, есть байеровский...Ну, что у вас?

- У меня то, что Столнов - великолепный, честный и смелый журналист, вышел на важнейшую тему, тронул болевые точки, связанные с ситуацией в Гаривасе, за это его убрали, он мешал. А все, что писали о его отношениях с Мари Кровс - чистая клевета, я с ней общался все это время, Петр Васильевич, и нам открылись весьма серьезные обстоятельства и в связи с делом Грацио, и по поводу тревожной ситуации в Гаривасе...

- Я сегодня ужинал с послом Гариваса, он рассказал мне, что, по его сведениям, однако, не подтвержденным, группа Дигона на днях начинает открытую кампанию против республики...

- А я вчера встречался с одним из лидеров мафии, Как это ни странно, он тоже назвал мне имя Дигона...

- Почему?

- И я думаю: почему?

Посол усмехнулся:

- Одно из самых моих любимых слов - "почему"? Когда со всех сторон, разные силы подталкивают меня к одному решению, настойчиво исключая возможность исследования всех других вероятностей, я сразу же спрашиваю себя:"почему"?

- Дигон стал проявлять особую активность в Гаривасе после того, как там закрепился Грацио. А потом Грацио убили, и кто-то начал,- причем в тот же день,- атаку на акции какао-бобов, а Гаривас - монополист этой культуры... Мои коллеги в Пресс-центре в один голос утверждают, что атаку начал Дигон. А такого рода игра бывает краткосрочной, как покер. Когда игра на бирже достигнет апогея, н е о б х о д и м о вмешательство политиков. А пик в этом регионе однозначен: либо переворот, либо интервенция - вне зависимости от того, кто стоит за биржевой спекуляцией. Словом, возможен переворот, но не исключена интервенция.

- Одно предшествует другому,- заметил Андреенко.- Вы ужинали?

- Нет. и Не хочу.

Андреенко походил по кабинету:

- Давайте-ка, вспоминайте всех тех, с кем встречались, говорили, обсуждали, на кого ссылались ваши контрагенты, какие выдвигали доводы... Берите бумагу и чертите схему, иначе мне будет трудно понять вас. Пишите вы, как логик, а говорите, как оккультист, право.

- Да,- сказал Санчес, выслушав советского посла,- все, о чем вы сообщили, сходится с нашей информацией. Да, ситуация, сложная, и кто-то делает все, чтобы еще больше ее усложнить. Да, нас хотят загнать в угол... Сегодня майор Лопес выступит по национальному телевидению, он будет говорить по поручению правительства, чтобы положить конец слухам о заговоре, путче, кризисе власти, экономическом крахе и так далее...

Санчес рассеянно достал из кармана куртки алюминиевый цилиндр с "упманом".

- Вы считаете такого рода слухи провокацией?- тихо спросил посол.

- А вы?- так же тихо произнес Санчес.- У вас есть факты? Вас уполномочили сообщить мне об этом? Я готов выслушать.

- Меня уполномочили довести до вашего сведения, гражданин премьер, что правительство Советского Союза готово рассмотреть в положительном смысле ваше обращение,- если вы посчитаете это целесообразным,- начать немедленные переговоры с целью заключения договора о дружбе и взаимной помощи.

- Это повод северному соседу заподозрить республику в том, что мы хотим предоставить вам военные базы.

- Я передал вам то, что меня уполномочило передать вам мое правительство. Полагаю, однако, что такого рода договор мог бы оказать сдерживающее влияние... И не на одного только северного соседа, но и на некоторые союзные ему режимы...

Санчес хрустнул пальцами, поднялся, отошел к огромному, чуть не во всю стену окну, прижался лбом к толстому, зеркальному, с голубым отливом стеклу, и сказал,- с каким-то мучительным, как показалось послу, сомнением:

- Я думаю, что в политике необходимо до конца,- пока только можно,- следовать избранному курсу... Кто-то рассказывал, что ваш министр Молотов вспоминал, как Кремлю сообщали в июне сорок первого, что грядет начало схватки... Но Кремль поставил на то, чтобы любыми путями оттянуть войну, как угодно, на сколько угодно, но оттянуть ее начало... И было принято решение не реагировать на это сообщение, причем, безусловно, достоверное. А как быть нам?! Как?! Я жду сообщений из Европы, понимаете? Грацио, который должен был заключить с нами договор, мертв! Мои коллеги беседовали с его ближайшими сотрудниками... Те считают, что банковская корпорация Грацио,- после того, как закончится ревизия, вы же знаете, идут нет ли банкротства,- доведет до конца то, что начал Леопольдо...Если же нет... Что ж, значит, настало время для принятия нового решения..Понятно, я сегодня же проинформирую моих коллег о предложении Москвы, я прошу вас передать мою благодарность вашему лидеру,- он усмехнулся,- я не учен протоколу, с этого, видимо, и следовало начинать... Я просил бы вас быть у меня завтра в восемь утра... я буду готов к ответу...

- Хорошо, гражданин премьер, я буду у вас в восемь... Я хотел бы...Словом, я работал в Чили... Я не смею проводить параллелей, это, действительно, вещь опасная, но бывают такие часы, когда не принятое вовремя решение оборачивается национальной катастрофой...

Карденас проводил посла. Машина с красным флажком выехала за ворота.

- Разговор был риторическим, без фактов,так?- Майор Лопес расхаживал по кабинету и жестикулировал руками,- посол сказал то, что мы знаем сами, и сами все чувствуем. Они нам предлагают дружбу? Очень хорошо... Никто от дружеских отношений отказываться не должен...Но...только на расстоянии протянутой руки,..только... Они поняли: пришло время и им получить свой кусок пирога,и, слава богу, что у нас в правительстве нет ни социалистов, ни коммунистов. И ты, Мигель, прав: надо быть трезвым в избранном пути. Ситуация сегодняшнего дня, такая же, как и вчера; а вчерашняя - как позавчерашняя. Какой же смысл срочности созыва кабинета? Только потому, что встретился с послом? Зачем нам так поспешно реагировать на их предложения? Потом, это не останется незамеченным... Зачем еще больше раскачивать корабль? Нынешнюю ситуацию вокруг нашей страны я расцениваю только как компанию психологического давления. Об этом я буду говорить по телевидению.

Лопес направился к выходу из кабинета. У двери он остановился и взялся за ручку:

- Вот мои соображения, Мигель. Ты вправе поступить иначе. Если не возражаешь, я пойду. Хочу подготовиться к выступлению. У тебя кондиционер слишком гонит холод,- улыбнулся Лопес,- ты можешь простудиться, Мигель.

Он вышел из кабинета.

Санчес закрыл глаза и откинулся на спинку своего высокого стула, потом он снял трубку телефона и набрал номер Европы, квартиру Мари Кровс.

- Здравствуй, это я...

- Боже мой...

– Как ты, любовь моя?

– Ты читал, что я... Мне можно говорить?

– Не знаю...Говори... Наверное нельзя, но ты говори, я очень хочу слышать тебя, говори...

– Милый, что с тобою? Что? У тебя ужасный голос...Ты болен? Ответь мне!

– Я здоров, любимая...Расскажи, как у тебя дома, что ты читаешь, какого цвета абажур на лампе, во что ты одета...Пожалуйста, говори не быстро, подробно, будто ты рядом, ну, рассказывай мне...

– Я не верю...Это ты? Назови мне свой телефон, я перезвоню, я не верю...

– Что нужно сделать, чтобы ты поверила?

– Не знаю... Назови свой номер...

– Хочешь, я спою тебе нашу песенку, когда мы ходили к бонскому вокзалу в маленький клуб и напевали слова из музыки Петера Александера,"Вено кнайпе ам универен штрассе", так?

– Не так, но так,– Мари заплакала. – Родной мой, я прилечу к тебе, у меня на сердце тяжело, мне про тебя показывают плохие сны, здесь говорят, что надвигается ужас, самое плохое..

– Вот после ужаса ты и сможешь сюда прилететь... Мы тогда будем иметь право жить вместе.

– Да,да,да, любимый мой! Да! Только я не буду тебя слушать, я сейчас еду к папе, мне нужно повидать его хотя бы на час, а потом вылечу к тебе...Почему ты молчишь? Ты не хочешь этого? Отвечай мне! Ты слышишь! Мигель!

– Я тебя очень люблю, девочка... Ты очень мне нужна,.. Я тобою горжусь. Только рядом с тобою я понял, что такое любовь.

Ты делала все, чтобы мне было спокойно. Ты всегда думала обо мне, помнишь, как я замерз, и ты растирала мне ноги, боясь, что я простужусь, я помню, как ты говорила, что я тропическое растение, и грела каждый мой палец, и глаза у тебя были счастливые... Я целую тебя, Мари, я тебя люблю.

- Мигель!

Он медленно положил трубку, поднялся, вышел в приемную и сказал секретарю:

- Когда придет счет за разговор с Женевой, передайте его мне, я оплачу, это был личный разговор, личный, а не деловой.

- Французский журналист Бреннер просил о встрече,- сказал секретарь.

- Да, я обещал ему. Завтра утром, после разговора с советским послом, я приму его. Соедините меня с"Клубом де Пескадорес".

- Алло,- сказал Санчес.- Вьехо, нет сил, хочу сегодня к вечеру отдохнуть за хорошей пирамидой, ты не против?

- Приезжай, малыш,- улыбнулся старик,- я обдеру тебя, как липку, будешь знать, как обижать стариков... Ты позволишь позвать моего Пепе?

- Какого Пепе?

- Моего внучка, он же щиплет гитару и поет.

- Ах, да...Хорошо, позови. Только я плохой ценитель, и пусть он не надеется, что я поведу его за руку в труппу, будет сдавать конкурсный экзамен, как все...

Санчес пошел через анфиладу комнат, к выходу.

Карденас передвинул кольт со спины на живот и пошел следом, хмурый и чем-то раздраженный.

Мари летела в самолете и думала, как она начнет разговор с отцом: "Па, не сердись на меня...","Па, прости меня, если можешь", "Па, помоги мне"... "Нет, слишком много "меня","мне"... Я ушла, обидев его...а когда мне стало плохо - решила вернуться..."Либо я и брат, либо твоя Гала"!,"Господи, как же я посмел(а)му сказать такое"... Какие у него тогда были глаза... Он ничего не ответил, бедный мой, добрый, старый Па...

...Стюарт и стюардесса протолкнули тележку, уставленную банками с пивом, маленькими бутылками вина, виски и джинами; все свободно от пошлины; марокканцы покупали по пять бутылок и целые блоки сигарет.

"Папа любит сигары,- вспомнила Мари,- надо купить ему сигар, он всегда так гордился моими подарками... А я сказала ему тогда:"Прими все мои вырезки, я не хочу, чтобы они были в доме, где живет твоя Гала", как же только повернулся язык?!"

- Какие сигары считаются самыми хорошими?- спросила Мари стюарда.

На ваш вопрос нельзя ответить однозначно, мадам... Смотря кому вы намерены сделать подарок? Если испанцу, то лучше всего приобрести "Гавана", если французу, я бы советовал купить голландский "Кондор", великолепный табак, на бразильской основе, ну, а немцу подарите "Упман", надежность фирмы, хорошая реклама...

- Подарок я намерена сделать немцу, именно поэтому дайте мне две коробки "кондора".

- Да, мадам.

- А себе я возьму бутылочку "розе".

- Да, мадам.

- Это все.

- В какой валюте вы намерены платить?

- В марках.

Стюард достал из кармана рубашки тоненький, ххххххххх величиною в спичечный коробок, компьютер, просчитал перевод марок во франки и посоветовал:

- Лучше бы вам платить во франках, мадам, курс не в вашу пользу, вы потеряете семьдесят пфенингов...

- Я переживу эту потерю,- ответила Мари и сделала глоток розового вина.

"Я скажу не так,- подумала она,- я просто позвоню, скажу: мой друг в беде, и только ты, па, можешь ему помочь, и я знаю, ты меня всегда любил и любишь,и я тоже тебя всегда любила и буду любить, как же мне не любить тебя. Я очень хочу, чтобы ты это знал... Если бы ты мог послушать, что я рассказывала про тебя Мигелю, как я гордилась тобой, когда ты выступал со своими обзорами в газетах... Да, только папа может помочь Мигелю... господи, только бы он успел помочь...

На аэродроме в Париже, Мари прошла паспортный контроль и тут же пошла к телефону-автомату.

Набрав номер, она услыхала голос Гала.

- Добрый день,- сказала Мари,- Здравствуйте, Гала, как вы поживаете?

- Мари?!- голос женщины стал ликующим. - Верньо!- закричала она.- Скорее, это Мари!

- Здравствуй, Мари, где ты?

– В Париже.

– Папа бежит! Он в ванной читает газеты! Скорее приезжай! Хочешь, я тебя встречу? Ты обедала? У меня есть сказочная рыба! Папа говорит, ты ее обожаешь! Он только что снова вспоминал о тебе...

Вернье вырвал трубку:

– Маленькая,мрдо мое, здравствуй, рысеныш, где ты, скорее приезжай, ну, пожалуйста...Или...Ты не...

– Я еду, па... Я очень счастлива, что увижу тебя...

Человек, следивший за Мари в самолете и здесь, в аэропорту позволил ей выйти из сферы наблюдения, набрал номер и сказал:

– Она поехала к отцу. Номер телефона...

Его перебили:

– Мы знаем, спаибо.

Пока Мари ехала на Рю Вашингтон, два человека поднялись на тот этаж, где была квартира Вернье, и прикрепили над косяком двери крохотную черную кнопку: каждое слово, произнесенное теперь в комнатах, будет записано на пленку.

Машина стояла в нескольких кварталах от дома Вернье на Рю Вашингтон. В ней сидели двое – резидент и его сотрудник Герберт. Прослушивалось все, что происходило в доме Вернье.

Голос Гала: Кому чай, кому кофе...все готово.

Чирканье спичек, голос Мари, она говорила по телефону:

- Да, алло... мне нужен месье Степанов...Алло. Оставьте ему записку...Да,,, его разыскивает Мари Кровс...да...Мари Кровс.

Голос Вернье:

- Да, девочка, я договорился, и это будет завтра, в десять утра.

- Ты убежден, что все придут?- тихо, как-то горестно спросила Мари.- Я очень боюсь, папочка, они испугаются... У меня так было вчера... Испугались... Или их замолчали... Сомневаюсь, доверчивый мой, папа, очень сомневаюсь...

- Ну, хорошо, давай еще раз вместе проиграем ситуацию,- сказал Вернье.- Поправляй, если тебе кажется, что я не прав...

Резидент недоумевающе посмотрел на Герберта:
потому что внезапно возник какой-то странный, всасывающий звук; (Герберт наблюдал за Вернье последние семь дней, изучил профессора достаточно хорошо, пояснил резиденту:

- Это он так пьет кофе, сосет, как телок, чего вы хотите, беспородный мужик из берлинского рабочего пригорода!

Вернье долил себе кофе, бросил еще одну крупицу сахарина из плоской коробочки:

- Смотри, что происходит...Я, Вернье, консерватор,- чем высоко горд и никогда ни от кого не считал нужным этого скрывать - пригласил на завтра, с санкции ректора Сорбонны, ведущих обозревателей, профессуру, телевидение, радио и своих студентов.

– Согласись с тем, что надо было прожить пятьдесят шесть лет и, видимо, неплохо прожить, чтобы мне отдали для этой пресс-конференции зал в Сорбонне, причем бесплатно, хотя я мог бы поднатужиться и уплатить десяток тысяч франков за аренду помещения...Я, видимо, действительно неплохо прожил эти мои годы, если на приглашение откликнулось сто сорок человек... Фу, какой хвастун,– рассмеялся он.

– Отчего он так часто смеется?– спросил резидент.– Совершенно без причины...

– Вообще-то верно,– ответил Герберт,– но он очень счастлив оттого, что к нему приехала дочь, они были в ссоре последние месяцы.

– Из-за его бабы?

– Да.

– Он что, очень переживал?

– Очень.

Завтра в десять утра я расскажу общественности, кто и почему стоит за нагнетением ситуации в Гаривасе. Я проанализирую персоналии, связи, п у н к т и р ы большой политики... Я приглашу слушателей к исследованию определенных симптомов на биржах,– в связи с Гаривасом... Я назову имена не только Дигона, о нем отчего-то слишком много говорят, организованно, заметил бы я, но и Дэйвида Ролла и других, о которых молчат, но чьи люди проявляют любопытную, хоть и "теневую" активность на биржах.

Поэтому моя завтрашняя конференция пройдет под лозунгом: я обвиняю! И это будет говорить не коммунист и не социал-демократ, но старый, толстый консерватор Вернье, понимаешь мой ход?

Мари снова закурила:

- Ну, а если в газетах появится всего пять строчек о пресс-конференции, а про твой реферат с ответами на вопросы вообще не напишут? Замолчат, не заметят... Тогда все окажется выстрелом из пушки по воробьям...

- Вот тогда, девочка, я пойду к коммунистам, пойду послезавтра, как только прочитаю утренние газеты, и отдам им все мои документы... Увы, к словам перебежчиков относятся,- хотя бы на первых порах,- с обостренным интересом... Прочитают, поверь мне, прочитают, я сделаю достоянием гласности то, что смог понять сам.

- Что она ответила?- спросил резидент, напряженно вслушиваясь в тишину. Герберт пожал плечами:

- Наверное, она кивнула головой.

Резидент вынул фото Мари и Вернье.

- Мне, откровенно говоря, этого не очень хочется, но слушая отца и дочь, я убеждаюсь, что операцию надо провести сегодня же, чтобы не дать выйти этой информации. Резидент включил рацию и сказал:- Срочно сообщите "Джорджу" пусть едет ко мне на встречу, и предупредите "племянника".

- Либо все произойдет так, как предполагаю я,- сказал

Вернье,- либо, если что и грянет, то после публикаций моих материалов, им не отмыться.

- Ладно, едем в ресторан на Рю Муфтар, там договорим.- Он обнял Мари.- Гала, где у тебя машина?- крикнул он на кухню.

Фрэнк Но подрулил к тротуару, выключил мотор и стал ждать Среди редких прохожих он увидел резидента. Тот заметил машину Фрэнка и направился к нему.

Беседа продолжалась всего несколько минут:" На связь идите с соблюдением всех норм конспирации, Фрэнк; трижды проверьтесь; поменяйте по крайней мере два такси: транспортные не жалейте, все будет оплачено, мотайте по всему городу, особенно, если почувствуете, что флики сидят у вас на хвосте; в баре "Гренобль" есть хороший выход во двор, окажетесь на Рю Гротэ, прямо напротив входа в метро, если за вами пойдут - наверняка увидите; в том случае, если будете убеждены, что все в порядке, доезжайте до Форт Дофин, позвоните по телефону 542.62.69, представьтесь, как "Якуб Назри", старайтесь говорить с акцентом, вам предложат встречу в баре "Жорж Санк"; это значит, что вас будут ждать в "Ити серкль", за столиком возле лестницы на второй этаж, через полчаса после того времени, которое назовут для свидания в "Жорж Санк"... Вас встретит мужчина примерно семидесяти лет, в сером костюме и сине-белой рубашке; на столе будут лежать три гвоздики, белая, красная и розовая; скажите ему, что приехали из Стамбула, привезли привет и письмо от "Казема"... Вот, возьмите эти фотографии, покажите ему и назовите два адреса, здешний, на Рю Вашингтон и критский ресторан на Рю Муфтар".

Шеф достал из кармана две фотографии, протянул Фрэнку; тот, лишь только взглянув, спросил:

- Вернье и Мари Кровс?

- Вы их знаете?

- Ее знаю хорошо, его тоже, только он не входит в сферу моего инстереса, консерватор.

- А как вы относитесь к ней?

- Славная девка, с хорошим пером,- ответил Фрэнк.

- Ну-ну.

- Я не прав?

- Я вам этого не сказал.

- Нет, действительно, ее ждет большое будущее, она добрый человек и здорово работает.

- Хорошо, пусть себе работает... Скажете вашему контакту, что у него есть время встретиться с ними до ночи, потом будет поздно. Он станет выдвигать условия. Соглашайтесь на все, не вздумайте выходить со мною на связь. Повторяю: принимайте все его условия.

- Я не очень-то умею делать дело, когда не понимаю его.

- Потом поймете...Это в ваших же интересах, Фрэнк, валяйте, у меня много работы, счастливо, соберитесь, дело очень важное, ясно?

"Вот бы никогда не подумал, что ему семьдесят",- сказал себе Фрэнк По, разглядывая седого, очень высокого, поджарого мужчину, который вальяжно сидел за столом, ласково поглаживая три гвоздики.

Подошедшему официанту седой сказал:

- Пожалуйста, поставьте цветы в вазу, они завянут без воды.

- Эти с толстыми ножками, месье,- возразил официант,- такие могут долго стоять и без воды, но если вам хочется вазу, я принесу. Какого цвета?

- Белого, если можно.

- Да, месье.

- Благодарю вас.

- О, месье, это моя работа...

- Добрый вечер, у вас свободно?- спросил Фрэнк, подойдя к седому.

- Вообще-то я жду гостя...

- Ах, так... А я только что приехал из Стамбула...

- Так присядьте... Выпейте чашку кофе...

- И привез привет и письмо от Казема...

- Я так и понял, что это вы... Меня зовут Пьер Ниссо...

- Меня зовут Якуб Назри.

- Очень приятно,- ответил Ниссо и обратился к Фрэнку: Говорите по-турецки?

Фрэнк покачал головой:

- Я родился на Кипре, жил в греческой общине.

Ниссо удовлетворенно кивнул, закурил тонкую, черную сигарету, спросил:

- Что будете пить?

- Виски.

- Со льдом?

- Нет, чистые.

- А я возьму пастис, чем-то напоминает греческую водку,

не находите?

- Нахожу.

- Помоем руки?

- Непременно.

Они спустились в полуподвал, там, возле будки телефона-автомата, были уборные; они вошли в тесную комнатку, Писсо запер дверь, пустил воду и сказал:

- Ну, что у вас, давайте.

Фрэнк молча протянул ему фотографии.

Писсо глянул на них мельком, с м а з а л, что называется, вернул Фрэнку:

- Я знаю этих людей и в нашей картотеке имеются фотографии, лучше, чем ваши. Где они?

- На Рю Вашингтон - до девяти. Потом они будут на Рю Муфтар, в критском ресторане...

- Хорошо... Теперь о деле... Я имею в виду наше дело, мистер Назри... Мои друзья заинтересованы в приобретении пяти миль пляжа вдоль по берегу Параны, в Парагвае...

- Вас интересует финансирование?

- Нет. Эти земли принадлежат "Юнион пасифик"... Они в запустении...Надо, чтобы ваши друзья подействовали на боссов этого концерна. За ценою мы не постоим.

- Считайте, что вы приобрели эту землю.

- Мои друзья будут удовлетворены таким ответом.

Писсо достал из внутреннего кармана пиджака портмоне, плоское, ч е р е п а х о в о е, легко, жестом факира открыл его, достал листок тонкой бумаги:

- Прочитайте и подпишите,- сказал он.

Фрэнк пробежал глазами:"Мои друзья, а по их поручению я, гарантирую, что земля по реке Парана в Парагвае, находящаяся ныне во владении фирмы "Юнион пасифик", будет продана в течение ноября-декабря сего года тому, кто предъявит эту бумагу".

- У меня нет ручки.

- У меня есть,- ответил Ниссо и протянул Фрэнку "паркер".

Фрэнк подписал так, чтобы не коснуться бумаги пальцами.

Ниссо покачал головой:

- И оттисните два пальца подле вашей подписи, Назри. Бумага соответствующим образом обработана, доказательство должно быть абсолютным.

Ниссо помыл руки, брызнул чуть-чуть воды на лацкан, всего две капли, но так, чтобы они были заметны, отряхнул несколько капель на левую брючину, вышел из туалета, снял трубку- телефона и, закрыв собою диск, так, чтобы Фрэнк не мог видеть цифр, набрал номер.

- Алло, это я. Видимо задержусь к началу оперы, поезжайте без меня, ясно?

- Да, месье Ниссо, я понял.

Человек положил трубку телефонного аппарата, сделанного под старину,- медь и поддельный янтарь,- рывком поднялся и пошел в темную спальню.

На огромной кровати лежал маленький длинноволосый парень; лицо его было до того веснушатым, что, казалось, на дворе был апрель, не октябрь.

- Пойдем, Серж,- сказал человек,- пойдем, я сделаю тебе массаж, прекрасный массаж, пойдем...

Серж медленно поднялся, когда он сел на кровати, стало

видно, какое у него оплывшее лицо, как тяжелы мешки под глазами, рыжие кудри, чрезмерно подвитые, пепельные, зловеще подчеркивали несоответствие с большими, кукольными глазами и детскими веснушками.

Он еще медленнее встал с кровати, с л е п о пошел к зеркальной стенке, толкнул ее ладонью, часть стены отворилась,- это была дверь в громадную, в черном кафеле ванную.

Серж сбросил шорты, обрушивался на массажный стол, лающе зевнул, заметив:

- Очень болит шея.

- А там самое страшное отложение солей,- сказал человек, выдавил крем на ладони, растер их, и начал массировать спину Сержа.- Сейчас ты почувствуешь силу, кровь прильет к коже, будет острый, игольчатый жар, он станет расходиться по мышцам, они поначалу замрут, особенно вот эти, продольные мускулы спины а потом начнут медленно сжиматься, как перед броском, самым главным броском твоей жизни, когда все изменится, и ты получишь то, о чем другие мечтают всю жизнь. Тебе осталось ждать часы, всего несколько часов, и мышцы можно будет расслабиться, и ты сядешь в темное купе экспресса на Марсель, маленькое купе-люкс для одного счастливчика, и вытянешься, запрокинув руки за голов и уснешь, а я буду ехать рядом... Ну-ка, переверниись... Дай мне твою левую руку... Правая сильней, но левая главная, разожми ладонь, нет, еще, еще... Расслабься, совсем расслабься, вот так, ну, молодец, вот какая у тебя длинная линия жизни, смотри, она рассекает ладонь, какая она глубокая и резкая, она определяет все твое естество. А вот эти бугры, ты чувствуешь, какие они крепкие, это бугры венеры, это твоя жизненная сила, женщины

млеют с тобою, они подобны собачонкам, которые идут за хозяином, ты их повелитель, ох, как им с тобой хорошо. Ни с кем так не будет у них, кроме как с тобой, Серж... А теперь опусти руки, я разогрел их, они будут крепко держать большую и тяжелую рукоять пистолета. Она будет взята в твою ладонь, ты так хорошо бьешь навскидку, ты разишь без промаха, твой тренер был мерзавцем и гадом, когда он отдал тебя судьям, он мог им не сказать про укол, он обязан был молчать, а он продал тебя, пусть пеняет на себя, его просили добром, и я его просил добром, я унижался перед ним, а мы не прощаем никому унижения, разве ты простил унижение, Серж? Вот видишь, ты молчишь, значит, ты согласен со мною... Ну-ка, расслабь икры, я должен хорошо их промять, каждую клеточку, чтобы тебе было легко взбросить послушное тебе тело в сепло "ягуки", и дать газ, и пронестись мимо, и сделать три выстрела, три т в о и х выстрела, а за углом, как и тогда, будет стоять машина, и за рулем, как и там, буду сидеть я, и утром мы будем в Марселе, сразу же уйдем на яхте в море, а через три дня станем охотиться в Сицилии, я не знаю, как ты бьешь перепелов, и Сузанна поджарит их нам на вертеле, и масло будет капать в огонь костра, и мы будем с тобою пить красное шипучее вино, и купаться в бассейне, и тогда я позволю Сузанне делать тебе массаж, сам буду спать дни напролет в шезлонге, и делать тебе хороший укол вечером, перед ужином. А сейчас я дам тебе маленькую порцию самого хорошего героина, и ты до конца взбодришься, в тебе будет легкость, веселая, юношеская легкость, ну-ка, давай, поднимайся, я иду греть шприц, вставай, Серж, вставай, д е л о...

Ромеро и Бонифасио сидели в разных концах комнаты и пощипывали струны гитар.

В комнату вбежал радостный Пепе и закричал:

- Собирайтесь, парни, едем, Санчес будет слушать меня!

Ромеро и Бонифасио отложили гитары. Бонифасио сел к маленькому трюмо, и начал причесываться, он делал это тщательно, очень медленно, поглаживая свои вьющиеся волосы ладонью, словно бы сдерживал их,- так хозяин оглаживает свирепого пса; о, казалось, никуда не собирался, сидел себе и причесывался; Ромеро потянулся с хрустом, взял с маленького ночного столика книгу, лениво полистал страницы и так же лениво спросил:

- В чем поедем, Пепе? И полагаю, надо одеть наши национальные костюмы, у вас любят, когда люди носят свою народную одежду, она многоцветна, красива...

- Но у меня в машине нет кондиционера,- сказал Пепе.- Ты взмокнешь в пончо, Ромеро.

- Зато понравлюсь твоему премьеру...Станешь звездой, поедем в гастрольные турне, обязательно в Англию, там девки необхоженные, солнца нет, сплошные туманы, откуда ж взяться мужской силе... Любишь беленьких, Пепе?

- Я люблю хороших и разных,- ответил Пепе.- Собирайтесь скорей, надену кремовые брюки и едем...

Пепе вышел.

Бонифасио и Ромеро тем временем положили гитары в большие чехлы из твердой кожи, быстро проверили маленькие автоматы, спрятанные в потайные карманы футляра, переглянулись; Ромеро поднял правую руку, перевернул кисть книзу и выставил большой

палец; Бонифасио молча кивнул, некое подобие улыбки тронуло его большие, синеватые, чуть поррескавшиеся губы, он подошел к телефону, набрал номер, спросил:

- Дома ли сеньорина, а если нет, то когда будет? Я перезвоню через полчаса.

Он положил трубку, поманил Ромеро и тихо сказал:

- Все идет по плану. После всего - по дорожкам клуба к пирсу. Там будет ждать бронированный катер. Сразу падаем на палубу. Голов не поднимать. На отход в безопасную зону требуется всего три минуты сорок девять секунд. Старика надо сохранить. С Пепе хотят работать дальше.

Когда Пепе вернулся в комнату, Ромеро и Бонифасио переглянулись: парень был неузнаваем - в расклешенных светлых брюках, шелковой приталенной рубашке, он был необыкновенно красив.

- Едем,- сказал он.- Время.

В машине Ромеро потер лицо жесткой, будто бы наждачной ладонью, и сказал:

- Только не торопись с первым куплетом, Пепито...Песни революции не имеют права быть суетливыми...

- Я знаю,- ответит Пепе.- Но в них не очень-то заявишь свою индивидуальность...

- Заявишь,если постараешься,- усмехнулся Ромеро.- Ты, конечно, прав, революционные песни лучше петь хором,но в "Бодегита дель медио", в Гаване, умеют это делать сольно.

- Ты был на Кубе?- спросил Пепе.

Ромеро отрицательно покачал головой:

- Рассказывали...

- Парни,- спросил Пепе,- а отчего вы никогда не улыбаетесь?

- Морщин боимся,- ответил Бонифасио.

Пепе сокрушенно покачал головой.

- Фу, черт, как волнуюсь... И цепенею, когда волнуюсь, и горло першит.

- А ты расслабься,- посоветовал Бонифасио,- ты прикажи каждому своему мускулу отдыхать, говори каждому бицепсу: "маленький, ну, пожалуйста, отдыхай, бери из воздуха кислород, гоняй его по крови, я сейчас должен петь перед нашим премьером, от этого зависит мое будущее, если я ему понравлюсь, меня возьмут в театр и на телевидение, я стану ездить по миру, найду себе белую девку, буду зарабатывать большие бабки, а не жить на шее деда, про меня будут писать в газетах, на тех страницах, где печатают снимки Бельмондо, Аль Пачино и Бэ, Бо, а потом какой-нибудь янки напишет для меня шоу в Голливуде и я заткну за пояс Белафонте, вот так надо говорить со своим телом... Все, ведь мажину, и не мешай нам с Ромеро расслабиться, мы ведь тоже хотим понравиться полковнику Санчесу...

Адольфио осмотрел с балкона улицу и вернулся в комнату.

- Место превосходное,- сказал он и похлопал поочередно по плечу Ганса и Йогана.

На другой стороне улицы, в доме напротив, у окна стоял человек. Он в бинокль видел все, что происходило здесь, в этой комнате.

- Как только автомобиль выедет из президентского дворца,- сказал Адольфио,- позвонит "Сатторе"; он спросит, нельзя ли попросить к телефону "Эусебио"; это значит, через восемь минут машина будет здесь, ровно через восемь минут по секундомеру.

Он посчитал сложенные на полу гранаты, проверил автоматы и подал Гансу и Йогану пуленепробиваемые жилеты.

- Пора одеваться,- сказал он и продолжал:- Операция должна занять двадцать секунд, сбежать по лестнице во двор, это еще тридцать, сорок секунд. Там вас будет ждать "Здравко" в автомобиле марки "Фиат". Он вывезет вас на Авениду де Либертал, к дому 174; тормозит возле автомобиля "мерседес", ключ в зажигании; Вы пересаживаетесь в эту машину и отправляетесь в мотель "Холидэй Инн", два номера для Вас забронированы; вечером "Саттори" забирает Вас и отвозит в порт, там стоит лайнер "Гамбург", отправление в 23.50. "Саттори" вручает каждому по семь тысяч долларов; следующая встреча в Западном Берлине, в испанском ресторане на Курфюрстендам через сорок семь дней, в двадцать три часа по среднеевропейскому времени. Вот все,- он пожал им руки.

- А если, что-нибудь сорвется?- спросил Йоган.

- Тогда нас с тобой арестуют и будут пытать,- улыбнулся

Ганс.

- Не дурите, ребята. Здесь нет вариантов.- Адольфо снял трубку телефона, проверил гудок, аккуратно положил ее на место и пошел к двери.

Когда человек в доме напротив увидел, что оставшиеся в комнате двое уже надели пилеты, он отложил бинокль, открыл футляр и стал собирать винтовку с оптическим прицелом.

В кабинет министра энергетики и планирования Энрике Прадо вошел его шофер. Он взволнованно сказал:

- Энрике, жена не смогла к вам дозвониться и просила срочно приехать. Ваша мама при смерти.

Прадо поднял трубку и трясущимися пальцами набрал номер, но дома никто не отвечал.

- Быстро, поехали! - бросил он шоферу и выскочил из кабинета.

В машине он попросил:

-Включи сирену.

Шофер включил сирену и прибавил газ.

- Что случилось?- спросил Прадо.

- Я собрался к вам и вдруг слышу крик...

Шофер не закончил говорить: руль повело и он, затормозив

машину, выскочил на дорогу, выругался,- спустило левое колесо.

Прадо вышел на середину улицы, из-за поворота появился малолитражный автобус, он поднял руку, водитель притормозил.

- У меня дома несчастье, пожалуйста, гражданин, отвезите на улицу Кузнка,- сказал Прадо, ощущая мелкий, э л е к т р и ч е с к и й озноб, который,- чем дальше, тем сильнее,- бил тело.

- Садись, - буркнул водитель.

Один из пассажиров открыл дверь, Прадо впрыгнул в салон, и сразу же ощутил руки трех людей, которые намертво втиснули его в мягкое сиденье.

- Гражданин министр,- сказал тот, что сидел в самом конце салона,- ваша мама здорова, у нас есть пятнадцать минут для беседы, мы не террористы, ваша жизнь вне опасности, пожалуйста, ведите себя разумно, сейчас мы придем в дом, откуда мы свяжем вас с семьей...

- Вы - гнусные провокаторы,- тихо сказал Прадо, чувствуя, как сердце молотило где-то возле селезенки, слабо бы сорвалось вниз.- Вы, видимо, не отдаете себе отчета в том, что меня сразу же начнут искать... И найдут... Пусть вы убьете меня, но и вам не уйти... Санчес поднимет силы безопасности, Лопес бросит "красные береты", вопрос часа, двух, мой шофер видел вашу машину, он скажет...

- Шофера уже везут на север, в сельву, он будет молчать, мы подвигали его к вам семь месяцев, гражданин министр,- ответит тот, кто сидел сзади, в огромных темных очках. Что же касается Санчеса, то он будет убит через несколько минут.

- Так что же вы медлите со мной, грязные свиньи?!

– Не надо оскорблять нас, гражданин Прадо.– Говорил лишь этот, остальные молчали, упершись дулами пистолетов в тело Прадо. – Не надо. Это эмоции, а вы – логик.

Машина на огромной скорости въехала в ворота особняка на окраине; Прадо заметил в зеркальце, которое было укреплено над головой водителя, как четыре человека сразу же ворота закрыли; вооружены, одеты в форму "красных беретов".

Шофер резко притормозил возле длинной стеклянной гасиенды; Прадо подтолкнули пистолетами, он вылез, его ввели в большой холл, возле огромного, во всю стену окна, выходящего на океан, в низком кресле сидел необъятно толстый, потный Джеймс Боу в тропическом голубом костюме и тяжелых, американского образца, ботинках. Он тяжело поднялся с кресла, указал рукою на телефон:

– Звоните домой, мистер Прадо.

Прадо набрал номер, по-прежнему не в силах сдержать дрожь в руках:

– Ты присылала ко мне Хорхе?– спросил Прадо.

– Нет, родной, я не видела его с тех пор, как ты уехал в министерство. Что-нибудь случилось?

– Как мама?

– Позвать ее. Она в саду...

– Да, позови, пожалуйста...

Боу посмотрел на часы.

– Я слушаю тебя, Энрике,– услыхал он голос матери, и сразу же тело обмякло, почувствовал, как ему подставили стул, обваливаще рухнул на глянцевую кожу зебры.

– Как ты себя чувствуешь, мамочка?

– Прекрасно, милый...У тебя странный голос...Что с тобой?

– Нет, нет, со мною все хорошо.

– Эсперанса готовит на обед худмас, самую твою любимую еду... И будет кусок хорошего мяса, ты, надеюсь, приедешь вовремя?

– Непременно,– ответил Прадо.– И обязательно приеду, мамочка, до свиданья, родная...

– Что с тобой, Энрике? У тебя плохой голос...

– Нет, нет, я немного устал, это пройдет, ты же знаешь, у меня так бывает...

Он положил трубку, посмотрел на потного толстяка в мягком тропическом костюме и медленно поднялся:

– Делайте ваше дело, только позвольте мне помолиться перед тем, как все кончится.

– Все только начинается, мистер Прадо,– сказал Джеймс Боу. – Позвольте представиться: я защищаю интересы тех, кто заинтересован в том, чтобы Гаривас стал стабильным, динамически развивающимся государством, ориентированным на постоянно-дружеские отношения с Соединенными Штатами...

– И для этого,– Прадо кивнул на усатого,– собираются убить Санчаса?

– Именно так?– вздохнул Боу.– Но делают это не из желания крови, но для того лишь, чтобы в кресло премьер-министра сел компетентный человек, технократ, способный жить не лозунгом или отвлеченной идеей, но холодным расчетом, который прежде всего угоден несчастному, полуголодному, неграмотному и больному народу... И таким человеком мы считаем вас, мистер Прадо...

– Что?! Как вы смеете обращаться ко мне с таким гнусным предложением?! Кончайте ваше дело! Пусть эти дубины стреляют в меня! Я не боюсь смерти! Я боюсь позора!

– Все боятся позора, мистер Прадо,– по-прежнему спокойно, постоянно отдуваясь, безо всякого выражения, согласился Боу,– особенно испанцы, люди, помешанные на кодексе чести. У нас остались считанные минуты, мистер Прадо, нам нужно договориться, потом мы передадим вам текст речи для выступления по телевидению, надо прочитать его пару раз, чтобы выступать без бумажки...

– Я сказал,– повторил Прадо,– кончайте! Я не боюсь смерти! Я не из породы продажных шлюх!

Боу обернулся к усатому:

– Забери своих идиотов. Оставь нас одних.

Трое вышли, Боу отошел к окну, взял с подоконника тонкий, тисненной кожи "дипломат", открыл его, достал папочку, начал неторопливо листать бумаги; рассеянно закурил, поманил Прадо, ткнул пальцем в страницы:

– Тут материалы, которые мы собирали на вас последние два месяца, мистер Прадо... Вы сказали, что боитесь позора...Я верю вам. Вас никто не собирается убивать, потому что вы не угрожаете нам, в вас нет честолюбивых амбиций вождя нации, вы действительно, технократ, а не идеолог... Если вы откажетесь от нашего предложения, мы позволим вам уехать домой, жена готовит вам худиас, мама, кстати, забыла сказать, что прекрасный суп касуэла уже стоит в духовке, вы любите касуэлу, вы обычно по субботам ходили в кабак "Лос пачолес" в Далласе к Дону Хоакину именно для того, чтобы откушать касуэлу,– до того, как...

Словом, вы вернетесь домой, у нас есть выбор, мистер Прадо, у нас есть три кандидата на пост премьера, и они уже дали согласие, они ждут в соседней комнате... И если кто-то из них решит, по прошествии недель или месяцев,- привлечь вас к суду, это их дело, мы не станем мешать...

- Меня не за что привлекать к суду, я ни в чем не виноват.

- Мистер Прадо, каждый человек на этой грешной земле в чем-то виноват... Каждый... Без исключения...Меня, например, можно посадить на электрический стул, если подшить,- по дням,- всю мою жизнь, хотя я не брал взяток, не грабил банки, не насиловал девок, не бандитствовал на дорогах и не убивал министров...Но я жил и действовал, мистер Прадо, а жизнь - это преступление, я уж не говорю о жизни, полной активных п о с т у пков... Вы, например, перестали ходить в Дону Хоакину на касуэлу после того, как его дочь, Хосефина, сделала от вас аборт, но доктор оказался малокомпетентным, и женщина стала инвалидом, бесплодие, нарушение циклов, и прочие бабские неприятности... Вы думаете, Дон Хоакин забыл об этом? Он помнит,- Боу снова ткнул указательным пальцем в сколотые страницы, что лежали у него на потных коленях.- Он с радостью даст хоть завтра свои показания против того, кто совратил его дочь... Вы говорите, что страшитесь позора... Я верю вам...- Боу пролистал несколько страниц, демонстративно слюнявя толстый, словно обрубленный указательный палец.- Вот, смотрите, мистер Прадо, это показание главного механика гаривасской электростанции...Вы же работали там директором, когда вернулись с дипломом инженера из Штатов, не так ли? Помните Хаиме Оярсабаля? Вами двигали

благие порывы, вам хотелось дать рабочим премию к Рождеству, но денег не было, и вы пошли на то, чтобы вместе с Оирсабалем остановить два агрегата, дав ложные показания, что случилась авария, и необходимо поставить рабочих на ночную смену, дабы не оставить город без света... А внеурочная ночная смена оплачивается в два раза выше, и за это рабочим полагается премия... Но и вам - в том числе... Вы от нее не отказались... Я понимаю, мистер Прадо, вами двигали благие порывы, вы не могли отказаться, иначе бы подвели других, беззаконие поражает кульничество, но ведь это не довод в судебном заседании, это эмоции, а их не исследует трибунал, да и суд присяжных вряд ли копался бы в этом дерьме... Незаконные деньги - и все тут! Или вот.. - он снова пролистал страницы.- Смотрите... Когда три месяца назад вы отправились в Милан для переговоров с Грацио, правительство выделило вам средства... По статьям... На телефонные переговоры, отель, транспортные средства, на представительские, надо же было устраивать коктейли и приемы... Ваш секретарь Габриэль Пратт дал вам расчет: на коктейли не хватает... И вы своей рукою, без согласования с правительством, санкционировали мелкое кульничество; попросили одного из помощников Грацио, мистера де Бланко, взять на себя оплату отеля, но оставить счета вам, и на эти деньги устроили прием... Я понимаю, что вы не положили себе в карман эти паршивые три тысячи долларов, я-то понимаю, что вы пошли на такой шаг во и м я д е л а, во имя того, чтобы прошел энергопроект Санчеса, но трибунал будет рассматривать документы и свидетельские показания, связанные с вашим именем, понимаете? Вот, мистер де Бланко показал,- ткнул Боу в страницу,- что он выписал чек за проживание

вашей делегации в отеле... А это копии вашего отчета, в котором вы подписали подлинность трат за отель из средств, отпущенных кабинетом... Ну, разве это не позор? Читать дальше?

– Фу, какая мерзкая, вонючая грязь...

– Разве это грязь? Я не читаю вам других документов, мистер Прадо... Человек беспамятен, он отторгает в прошлое то, что ему неугодно или стыдно хранить в сердце... Я не привожу расшифрованные записи ваших бесед с женою в кровати... Каждый возбуждается по-своему, у всех у нас рыльце в пушку, но ведь не пойман – не вор, а если и этот ваш шепот сделать достоянием гласности? Дать прослушать трибуналу,– а уж он-то прокрутит это по национальному радио, вот, мол, кто нами правил,– каково будет вашей маме? Детям? Той же жене...

– Дайте пистолет,– сказал Прадо.– И сам сделаю то, что надлежит сделать в такой вонючей, мерзкой ситуации...

– Вы не сделаете этого,– убежденно сказал Джеймс Боу.– Во-первых, если вы произнесли слово "ситуация", значит в вас по-прежнему живет логик, а не министр Санчес... Во-вторых, когда ваш друг по колледжу Ромуло Батекур публично ударил вас по лицу за то, что вы отбили у него Магдалену, вы ведь не ответили ему...

Боу отошел к стене, где висела картина,– сине-черная абстракция, стремительные линии, рвущие друг друга, чем-то похожие на ночную грозу в тропиках над океаном,– нажал своим отвратительным толстым пальцем на раму, поманил Прадо; тот подошел и, ощущая ненависть к себе, приблизился к толстяку.

– Смотрите,– сказал Боу, кивнув на маленький глазок, открывшийся в холсте.– Там ваши знакомые, смотрите же...

И Прадо посмотрел.

В холле, почти таком же как этот, где он только что перестал быть прежним Прадо, а сделался пустым, не ощущающим самого себя, разбитым, с ватной дрожью в ногах, существом, сидел помощник Санчеса по связям с прессой капитан Гутиерес; министр продовольствия Эухенио и министр финансов Хуан Мануэль; они о чем-то быстро говорили, и хотя лица их были бледны, они улыбались порою, жестикулировали, как живые люди; ни в одном из них не было видно слома, следов пыток, борьбы...

Прадо не смог сдержать слез, силы покинули его, и он тяжело обрушился на пол, выложенный сине-белыми изразцами.

В критском ресторанчике Папаса на Ру Куфтар было пусто.

Мари, Вернье и Гала устроились поближе к очагу, в самой глубине зала; Папас принес с меню, огромными, как межправительственные договоры, и такими же красно-кожаными.

- Если позволишь, Мари, я закажу то, что тебе наверняка очень понравится,- сказала Гала.- Ты разрешишь?

- Конечно,- Мари вымученно улыбнулась.- Спасибо.

- Пожалуйста, Папас, сделайте ваш особый критский салат с мидиями,- попросила Гала.- Только сначала принесите какой-нибудь плед, наша девочка замерзла... Тебе холодно, Мари, да?

- Нет, нет, не беспокойтесь, мне тепло.

- Ей холодно,- сказала Гала,- я вижу.

- Она попросит сама, если ей станет холодно,- раздраженно сказал Вернье.

- Но тогда будет поздно! Ее просквозит, она такая блед-

ненькая.

Вернье улыбнулся доверя, кивнув на Галу:

- Я ее учу не навязывать добро... Ничего нельзя навязывать, а особенно добро, это не прощается... Пора от слов переходить к делу и бить по щекам вместо уговоров,- на юге Франции и в Италии на этом держатся семьи.

- Сейчас я подвинусь, чтобы тебе было удобнее ударить,- сказала Гала,- только сначала закажу самую вкусную еду для Мари.

- Но все-таки я принесу плед,- сказал Папас,- я чувствую, как дует, такие дни... просто невероятно, октябрь обещали теплым, а тут словно на дворе декабрь.

- Что ты хочешь заказать?- спросил Вернье.- Мари не любит рыбу.

- Но здесь особая рыба, Мари, может быть, ты попробуешь маленький кусочек?

Мари покачала головой:

- Нет, спасибо... Никто так вкусно не готовит рыбу, как моя мама, но я к у нее отказываюсь... Не знаю почему...

- Хорошо, тогда пусть Папас приготовит мясо в виноградных листьях, да, Вернье?

- Действительно вкусно, Мари,- сказал Вернье.

- А помнишь, как ты впервые угостил Ганса кукурузой?- Лицо Мари на какое-то мгновение смягчилось, разошлись морщинки вокруг рта, глаза сделались добрыми, мягкими.

- Конечно, помню... Ганси тогда был толстый, побежал к старой турчанке, которая продавала горячую вареную кукурузу, и хлопнулся, потому что не заметил ступеньку, сорвал кожу на коленях и зашелся плачем, а уже был взрослый мальчик, двенадцать лет...

– От обиды,– сказала Мари.– Нацелился на кукурузу, про которую ты ему так много рассказывал, побежал, и вместо лакомства – содранные колени... Знаешь, как обидно, когда видишь радость, вот она, только протяни руки, а переторопишься, глен,– и коленки в кровь!

– А помнишь, мы с тобой ужасно рассорились, когда ты не хотела, чтобы я купил тебе туфельки фасона "колледж",– вздохнул он,– тебе очень хотелось носить большой каблук, а мне это не нравилось, мне казалось, что ты маленькая...

– Вздорная,– сказала Мари.– Ты нас просто очень баловал...

Гала закурила:

– Но ведь это замечательно, если папа имеет возможность баловать детей... Нас тоже баловали, пока была жива мама... Мы каждый год ездили в деревню, там было много фруктов, и они были так дешевы, что мы с братьями объедались ими, а потом мама умерла, и мы больше ни разу не выезжали из города...

Мари положила свою мягкую нежную ладонь на холодные руки Гала, посмотрела на отца и тепкула:

– Папочка мой...

Вернулся Папас, укрыл Мари легким пледом.

– Что будем пить?– спросил он.

– Мари, тут прекрасное розовое вино. Папас, пожалуйста, принесите бутылку, папа рассказывал, как ты маленькая выпила розовое шампанское и стала танцевать на столе...

– И разбила фужер,– сказала Мари,– даже сейчас помню тот звук, фужер-то был хрустальный...

– А помнишь,– сказала Мари,– как Ганс изображал охоту на кабана, когда мы вчетвером ездили на теплые озера, когда

мама болела радикулитом?

– Помню... Маленький толстощекий озорник... Он отчего-то обожал пугать себя, ты замечала?

– Вам не скучно слушать наши воспоминания, Гала?– спросила Мари.

Та улыбнулась:

– Я их знаю... Папа часто рассказывает про вас, про каждый ваш день... Особенно когда рассматривает ваши фотографии...

Вернье достал из кармана коробочку и бросил таблетку под язык.

– Что?– спросила Мари.– Тебе плохо?

– У него постоянно скачет давление,– сказала Гала,– особенно когда волнуется... Он особенно волновался, когда тебя не было, Мари,– сказала Гала.– Как это замечательно, что ты приехала...

– А завтра, после лекции, нашу начнут поносить, отберут кафедру и перестанут печатать...

– Уже перестали,– заметил Вернье,– но это пустяки, никуда они не денутся... Главное, что мы с тобою точно придумали, как поступить завтра, это будет красивый удар...

Папас принес вино, налил Вернье, тот попробовал, кивнул:

– Сказочно.

Только после этого обязательного ритуала Папас наполнил бокалы дамам и спросил:

– Поставить нашу критскую музыку? Или хочется тишины?

– О, пожалуйста, поставьте вашу музыку,– попросила Мари.

– И я с вами потанцую,– пообещал Папас,– я всегда танцую осенью с моими постоянными клиентами, да, Гала?

– Он ее отобьет,– сказал Вернье,– они постоянно перегляди-

ваются у меня заспиной.

Мари засмеялась.

– Только глупая женщина может уйти от такого красивого, умного и доброго человека, как ты...

– Поняла, подруга?– засмеялся Верье и сказал Папасу,– еще пару бутылок, я сегодня хочу от души пить.

– И всю ночь потом глотать лекарства,– усмехнулась Гала.

– Ей лишние слова, мадемуазель,– сказал Верье.

– Мари, я хочешь устриц?– спросила Гала.– Здесь напротив допоздна продают устрицы, совсем забыла! Я сейчас!

– Не надо, Гала!– улыбнулась Мари, но та уже шла к выходу, натягивая на ходу пальто.

– Я сейчас...– она выбежала из ресторана.

– Не слишком ли ты много говоришь со мной одной? Про политное нам, про нас с Гансом?– спросила Мари.– Гала, может быть, обидно.

– Я все эти месяцы только про вас и говорил с ней, с кем же еще?

– А с собой?

– С собой я не говорил. С самим собой я плакал...

– Если все хорошо кончится, давай поедем все вместе в Гаривас, а?

– Приглашаешь?

– Конечно. Купим тур и поедем на две недели... Он будет так счастлив... Здесь уже ночь... а там... еще солнце светит... Это так далеко...

– Ты любишь его, Мари? Или ты любишь свою любовь к нему?

– А разве это не одно и то же?

Вернье покачал головою:

– Нет, маленькая, это совсем не одно и то же.

– Я говорила про это с одним русским...

– Его зовут Степанов?

Мари рассмеялась.

– О, какой ты хитренький, папочка! Откуда ты знаешь?

– Он был у меня...

– Он рассказывал...Вы чем-то очень похожи...

– Ну, да?

– Вы похожи тем, как любите своих детей...

– Давай выпьем за Ганса?

– Давай. Только подождем Галу.

– Бесполезно. Она будет полчаса выбирать тебе самые вкусные мне устрицы и десять минут торговаться, чтобы купить их за полцены...Давай выпьем за то, чтобы Ганси скорее приехал сюда, и мы бы посидели здесь, у Папаса, и попировали, и мы, наконец, обжили ваши комнаты...

Вернье достал ключ от квартиры, протянул Мари:

– Я заказал тебе этот ключ из особой бронзы, ты не любишь, когда все красиво...

– Бедная мамочка...

– Мне ее тоже очень жаль, но что я мог сделать, Мари?

– Вы такие разные... Почему ты женился на ней?

– Потому что я ее очень любил, я никого так не любил, как ее...

– Давай выпьем за нее?

– Давай.

– Пусть бы у нее получилось как ей хочется...

- Дай-то бог...

- Мы с Гансом всегда мечтали, чтобы вы хоть как-то соблюдали видимость семьи, это ведь так важно для детей, особенно маленьких...

- Я был готов, Мари...

- Я знаю... Но ты действительно любил маму?

- Ты полагаешь, что я женился на ней, чтобы переселиться из моего подвала в ее прекрасный дом над Рейном?

Мари ничего не ответила, чокнулась с отцом и медленно выпила.

Гала вернулась с коробочкой устриц:

- Такие жирные, такая прелесть! Самые лучшие устрицы - октябрьские! Пожалуйста, Мари, угощайся, это все тебе! Боже, какого я сейчас видела страшного человека! Весь в черном, сидит на своем мотоцикле, а глаза белые, как вата... Он посмотрел на меня и сказал:"ниф-наф, птичка!" У меня даже муравьи побежали по коже...

- Накурился идиот,- сказал Вернье.

- Я попробую положить девятого от борта налево в угол,- сказал Санчес.- Как ты относишься к этому, Бьехо?

- Я отчего-то думаю, что ты не положишь этого шара, малыш. Знаешь, я однажды играл с русским поэтом Маяковски, в Мехико, он приехал туда в двадцать шестом пятом... Не помню точно, может в двадцать седьмом... Он революционер, но играл очень хорошо, и однажды засадил вот такого же шара... Только он очень долго мелил кий перед каждым ударом, и он очень смеш-

не выделывал мяча... Он выставлял нижнюю челюсть, она у него была тяжелая, сильнее, не то, что у тебя... Ну, ладно, бей, я помолчу...

Санчес промазал, сделал подставку, "одиннадцатый" стал на удар.

- Ну, что, малыш, конец тебе?- вздохнул Рамирес.- Такого игроки не прощают... Могу посадить, если хочешь взять Пепе солистом...

- Я наверное не успею его послушать сегодня, вздохнул,- ответил Санчес.- Давай, оставляй меня, и я поеду... Много дел...

- Он сейчас должен быть здесь...

- Тогда не торопись меня облапошивать,- вздохнул Санчес.-

Старик собрался перед ударом, рука перестала трястись, глаз сделался величьким, чистая бусинка; к л я ц, шар лег, словно в масло.

- Видишь, как надо бить,- сказал Рамирес.- Учись, пока я живой. Хочешь, чтобы я включил и ц и к? Утром дикторы объявили, что будет выступать твой министр Лопес...

- Я могу тебе сказать о чем он будет говорить на телевидении.

- Он действительно против тебя, как говорят люди?

- Какие люди так говорят? Где? В этом вашем клубе?

- И не только. В кафе на Плаза де Хинос тоже говорят так... А там собираются шоферы и грузчики, они сюда не ходят...

- Ну, а ты как думаешь?

- Сначала я положу седьмого в середину, одним касанием, очень красиво, отведу "своего" для удара по "десятому", а

потом отвечу тебе.

Он положил шар, отвел "своих" на новый удар и полез за сигарой.

-Хочешь?- спросил он Санчеса.- У меня есть еще три штуки, очень хороший табак, я полощу им рот, укрепляет десны... Я думаю, малыш, что сейчас начался такой бардак, что разобраться ни в чем нельзя, но ведь если много говорят, значит что-то есть...

- Когда что-то есть, ничего въехо, как правило, никто никому ничего не говорит...

- Это у янки или немцев, они другие, северные, у них кровь тише течет, а мы - южные, у нас что на сердце, то на языке... Я когда-то играл с людьми, которые воевали против Франко... Они говорили, что им было все известно в окопах про то, какие дела творятся в Мадриде... и еще за неделю до того, как менялось правительство, люди знали имена новых министров...

- А в Чили ничего не знали, въехо...

- Это точно,- согласился старик,- там Пиночет всегда стоял на трибуне рядом с Альенде, там все было тихо. Малыш, я тебя люблю, ты очень добрый, разве допустимо быть добрым правителем, так не бывает, может тебе пришло время стукнуть кулаком по столу, а?

- Это теперь не страшно, все стали смелые, въехо, мы отменили беззаконие, теперь никто ничего не боится, понимаешь? И это прекрасно... счастье могут построить только такие люди, которые не знают страха.

- Будет бардак, малыш, наши люди любят строгость.

– После того, как они прожили эти восемь месяцев без страха, одной строгостью ничего не добьешься, вздор... Всего можно добиться только одним: чтобы человек шел на работу с радостью и убеждением:"я получу столько денег, что смогу не только купить булку и чулки жене, но и отложить на отпуск, или на то, чтобы начать свое дело, или на то, чтобы отправить ребенка учиться в колледж в Европу.

– Ты, малыш, не сердись, но люди уважают только одно – силу...Ты всегда был таким сильным, а сейчас словно женщина...

Санчес рассерженно поставил кий:

– Ну, чего ты хочешь?! Чего вы все хотите?! Чтобы я ввел комендантский час?! Запретил газеты?! Хватал на улицах за шутку в мой адрес? Вам что, надо жить, согнувшись?! Только тогда вы будете спокойны – над вами есть власть?!

В зал вошел начальник охраны Карденас:

– Мигель, там "красные береты" задержали трех музыкантов, они говорят, ты их ждешь...

– Я их жду,– ответил Санчес.– Позвони во дворец, мы через пятнадцать минут выезжаем, пусть вызывают Педро с его отчетами... Ты смотрел телевизор? Как прошло выступление Лопеса?

– Выступление Лопеса перенесли на полчаса.

Санчес удивился:

– Отчего?

– Полетела аппаратура, заканчивают ремонт. Сейчас я приведу музыкантов...

– Это мой внук, Чепе,– пояснил Рамирес майору Карденасу,– он задержит Мигеля на пятнадцать минут, послушай, как он поет

Карденас вышел; старик приблизился к Санчесу, положил свою узловатую, дрожащую руку на его плечо:

– Не сердись, малыш, просто я думаю, что ты еще не научился этому паршивому делу – управлять другими, и вряд ли научишься, такая это паскудная работа... Выпьешь кампари?

– Нет, не хочу. Выпью холодной минеральной воды. Или лимонного сока... Что-то у меня тяжело на сердце, въехо... Жмет, жмет... Будто его в руку взяли и пробуют на вес...

– У меня так было, когда Пепе читал вслух книжку одного бородатого янки про то, как наш старик ловил в море а г у х у и как ее поедали жадные акулы... Третий к себе в середину... Сейчас забью... Перед ударом всегда следует маленько поговорить тогда в тебе начинается тоска по делу... Слово – это лень, лишь удар есть дело, даже по такому паршивому шару, как тройка, но ведь и без него не наберешь пирамиду...

Он красиво положил шар.

– Сейчас я заберу "тринадцатого",– сказал Рамирес.– Ты заметил, малыш, что все шары на столе одинаковые, а любим мы их по-разному?

Санчес рассмеялся:

– Я сейчас думал именно об этом, въехо, просто-напросто, слово в слово, как ты сказал.

– А ты читал книгу про этого старика в море?

– Да,– ответил Санчес,– и того янки, который написал книгу, звали Хемингуэй.

И в это время Карденас привел Пепе с гитаристами.

– Здравствуйте, гражданин премьер,– сказал Пепе.

– Добрый день,– сказали Ромеро и Банифасио в один голос.

Санчес улыбнулся:

– Музыканты, а говорите словно солдаты перед командиром. Давайте, ребята, я к вашим услугам. У меня есть десять минут, не больше...

Гитаристы неторопливо и сосредоточенно достали свои громадные, старые, а потому особенно красивые гитары из огромных, тяжелой кожи, чехлов и одновременно,– в долю секунды одновременно, прикоснулись к струнам; звук родился густой, осязаемый, дрожащий.

Это была проба. Ромеро глянул на Пепе, кивнул ему, тот начал; Бонифасио подхватил:" Песня революции"...

Белый катер стоял у пирса. Из трюма поднялся человек в белом костюме и подошел к капитану:

– Музыканты на месте. Начинаем отсчет времени.

Капитан посмотрел на часы и кивнул головой.

– Гитаристы мне очень нравятся,– сказал Санчес.– Спой что-нибудь еще, Пепе... Только отчего ты стоишь, словно проглотил аршин? Ты не поешь, это такое счастье, если человек умеет петь... Может быть, тебе лучше ходить по комнате?

Ромеро тронул струны, звук поплыл по комнате.

Бонифасио сразу не понял Ромеро и тоже тронул струны, мелодия была стремительной, волнообразной.

– Ты стоишь и это тебя связывает. Потом, надо подумать о костюме... Ты слишком модный, зауженный, тебе трудно двигаться.

– Можно я спою еще одну песню?– спросил Пепе.– О любви у меня получается лучше...

Старик и Санчес засмеялись:

– Ну, пожалуйста, если про любовь тебе легче...

Капитан на палубе катера еще раз посмотрел на часы и крикнул вниз:

– Время!

И в это время часы у Ромеро пискнули.

Бонифасио незаметно рванул струну, она лопнула; он сокрушенно покачал головой, отложил гитару, потянулся к футляру, открыл потайной карман; через мгновение Кардонас валялся на полу, изрешеченный пулями, старик Рамирес бросился к Санчесу, неожиданно для его лет быстро, словно бы перед ударом на бильярде, он обнял Санчеса и закричал:

– Нет, нет, нет! Пепе! Пепе, что ты делаешь?!

– Оторви деда,– закричал Бонифасио.

Санчес остро ощутил горький сигарный дым, который всех от въехо, особый, стариковский, беззащитный запах, мелкую дрожь, сотрясающую старое тело, гулкие, частые удары сердца, когда Ромеро по-кошачьи перепрыгнул через угол стола, схватил старика за костлявое плечо и хотел оттащить в сторону, руки игрока напряглись, и он зашелся в крике.

– Уйди,въехо,– шепнул Санчес, ощущая, как медленно, безжизненно холодели пальцы рук и ног,– уйди...

Ромеро ударил старика по шее, тот рухнул.

Бонифасио подскочил вплотную к Санчесу и крест накрест прошил его очередью из автомата.

– Скорей, парень! Скорей! – закричал Ромеро Пепе. Но тот окаменел и не мог сдвинуться с места.

Бонифасио ударом ноги выбил у него гитару и рванул его за плечо.

Ромеро, Бонифасио и Пепе бежали к пирсу.

Пепе, ничего еще до конца не понимая, повторял одно и то же слово:

– Зачем? Зачем? Зачем?

– У, собаки, гиены вонючие!– заорал Ромеро.

Катер на полном ходу уходил в море. Беглецы побежали по берегу к зарослям кустарника. У первых же кустов их встретил шквальный огонь из короткоствольных автоматов, зажатых в поджарых ладонях "красных беретов".

Папас проводил гостей до порога и закрыл дверь. Гала шла чуть впереди. Вернье вел Мари под руку.

– Помнишь, как я накормил вас с Гансом бульоном из мидий на Капри.

Послышался нарастающий шум мотоцикла.

– Я все помню, папочка,– ответила Мари,– и поэтому мне ужасно хочется...– она не успела закончить...

Тенью пронеслась фигура в черном. Грохнули три выстрела. Гала упала. Мари отбросило к стене. Вернье издал крик ужаса и

на коленях бросился к дочери.

Мотоциклист поднял машину на "дыбы", развернулся и помчался назад, почти в упор он выстрелил в спину Верилье.

Зазвонил телефон. Иоган снял трубку. Ганс открыл дверь на балкон и стал раскладывать на столе гранаты.

Машина министра обороны майора Лопеса приближалась к дому, где затаились Ганс и Иоган. Как только машина поравнялась с ними- они выскочили на балкон и забросали ее гранатами. От взрывов машина перевернулась и взорвалась. Очередями из автоматов Ганс и Иоган расстреливали охрану.

- Все, бежим!- крикнул Ганс.

Не успели они добежать до двери, как человек из дома напротив, двумя короткими нажатиями на спусковой крючок своей снайперской винтовки свалил Ганса и Иогана.

Фото: Мертвое лицо майора Лопеса в перевернутой и обгоревшей машине.

Текст: Этой акцией банковской группе Барри Дигона был нанесен материальный ущерб в сумме 135 миллионов долларов - со смертью Лопеса тайный договор, заключенный с ним, оказался простой бумажкой.

Над городом пронеслись истребители. "Красные береты" окружили

казармы, на улицы вышли полки. Подразделения "особого назначения" начали прочесывать гостиницы. Проживающих выгоняли из номеров и собрали в холл.

Два солдата и маленький человек в штатском вошли в номер к Бреннеру. Солдаты бросились открывать шкафы, выдвигали ящики.

- Тут скрываются наши противники,- сказал человек в штатском.- Ваши документы и покажите рукописи. Он сгреб со стола бумаги, быстро просмотрел их и поинтересовался:

- Где это вы наслушались таких небылиц о заговоре?

Намерены публиковать?

- А вы кто, чтобы задавать мне вопросы?- спросил Бреннер, ощущая какое-то веселое безразличие ко всему происходящему. Человек ничего не ответил, сунул рукописи в портфель и вышел.

"Красные береты" штурмовали казармы. Танки били прямой наводкой. Бронетранспортеры перегородили перекрестки. Людей прижимали к стенкам домов, обыскивали.

Миколь Бреннер раздевалась и завороженно слушала Гиго.

- Мы живем в эпоху тирании рассудка,- сказал он и начал стягивать с себя свитер.- Это есть проявление старчества нашей культуры. Мы живем в пору конца этой цивилизации, грядет новая. Ты не можешь не ощущать, как повсюду проявляется скрытая борьба против научности; ее первым апологетом был великий скептик Ницше. Каждая культура существует тем, что верует в свое бессмертие. История не знает той даты, когда началась гибель Эллады, но ведь Эллада погибла.

Мишель нравилось смотреть, как Гиго лениво, с какой-то снисходительностью, бросает на спинку стула рубашку, брюки...

Он продолжал:

- Принцип сохранения энергии, который был абсолютным в дни моей школьной молодости, отринут, поскольку мы ныне утверждаем, что энергия - есть бесконечное в бесконечном пространстве. Ньютон утверждал необходимость постоянной массы. Ныне и этот постулат отринут. Мы знаем движение нашей планеты относительно солнца, но нам неведомо абсолютное движение солнечной системы в пространстве. Время движения света утеряло свойство абсолютной величины. Рано или поздно будет упразднено постоянство физических величин, в определение которых входит время.

Мишель подошла к Гиго и поцеловала его в шею.

- Я хочу подарить тебе лаванду.

- Что, вонючий?

- Обожаю тебя,- прошептала Мишель,- обожаю, любовь моя, всякого обожаю, вонючего, пьяного, злого... обними меня, обними меня крепко...

Мишель пошарила ногой, нашла на полу выключатель торшера и большим пальцем ноги нажала на него.

Огромными руками Гиго взял Мишель под мышки и легко поднял ее Она скрестила ноги у него за спиной и руками обвила шею. Гиго закружил, широко переступая ногами. Лицо Мишель вдруг исказилось, она издала дикий вопль: в углу комнаты, на экране маленького телевизора, убивали Бреннера.

Солдат ухватил его за шею и тащил из телефонной будки. Бреннер двумя руками цеплялся за трубку. Подскочил второй солдат, ткнул автомат Бреннеру в живот и дал очередь. Телеоператора, ко-

торы ручной камерой снимал все это били прикладом по голове. Обезумевшие люди метались по улицам.

Фото: На ступеньках дворца лежал убитый полковник Диас, начальник генерального штаба.

Веласко - управляющий банком развития, сидел мертвым в кресле. Пепе Аурелио - министр общественной безопасности был расстрелян у стены.

Текст: Через двадцать семь минут были расстреляны начальник генерального штаба, управляющий банком развития, министр общественной безопасности.

Фото: На пороге комнаты труп капитана Родригеса.

Текст: Через двадцать девять минут был убит адъютант Санчеса по связям с ВМФ капитан Родригес.

(Этой акцией банковской группе Дэйва Ролла был нанесен материальный ущерб в сумме 217 миллионов долларов; со смертью Родригеса тайный договор на продажу бобов какао, заключенный с ним представителями Ролла в обстановке полнейшей секретности, оказался листком бумаги).

Франк По вернулся к себе на Ру Лемуан поздно; его крепко шатало; поднимаясь по крутой деревянной лестнице, он мурлыкал песню итальянских партизан "аванти, популо".

В его маленькой квартире было холодно, по грязным стеклам слезливо катились струйки дождя; за стеной кричала Исабель; ее любовник, араб из Туниса, доводил женщину до бешенства чуть ли не каждую ночь; Франк снял плащ, повесил его на плечи, включил электрическую печь, потом взял со стола автоматический пульт

управления я щ и к о м, включил первую программу, открыл холодильник, взял бутылку белого вина, выпил из горлышка, оторвал кусок батона, намазал его чесночным маслом, разорвал пакетик, достал кусок кровяной немецкой колбасы, допил бутылку, хрустяще, обсыпал свитер крошками, закусил, и решил открыть еще одну бутылку, но в это время диктор произнес первую фразу:

– Час назад при выходе из критского ресторана на Рю Муфтар были убиты журналисты Мари Кровс и профессор Вернье, а также некая мадемуазель Гала Оф, личность которой устанавливается.

На экране возникла фотография: крупно – залитое кровью лицо Мари, рядом – Вернье, сидящий возле стены, голова снесена почти наполовину, а чуть в стороне – женщина в синем плаще, видимо, мадемуазель Гала.

Фрэнк По опустился на стул, ощутив, как сердце остановилось в горле:

– Это же ты, Фрэнк По, организовал эту передачу,– сказал он и почувствовал, как щеки его стали огненными, словно бы кто ударил его наотмашь,– это сделал ты! Но ведь ее убили мафиози? – голос его шел откуда-то издалека, будто сквозь войлок, слова едва различимы... – Молчи, тварь, какие мафиози?! При чем здесь мафиози?! Ты сам сказал кого надо убрать на Рю Муфтар, и ты отдавал себе отчет в том, что ты делал, поэтому ты напился, и пришел сюда, и решил приготовить себе яичницу, чтобы закрать ею еще одну бутылку. Но ведь я только передал седому то, что мне всучили... Ах, ну да, ты же помнишь Нюренберг, ты помнишь эсэсовцев Олендорфа и Эйхмана, они ведь тоже всего-навсего передавали, они не входили в камеры и не швыряли банки с газом в бани, набитые детьми... Погоди, это истерика, погоди...Выпей. Открой бутылку и выпей. Все равно ты уже не сможешь опьянеть. Что? При чем

здесь погода на завтра? О чем они говорят, эти сучьи дикторы?!- Он швырнул сковородой в телевизор, и замолотил кулаками в стену:

- Хватит вам! Хватит я говорю!

За стеной настала тишина, он услышал шлепающие шаги босых ног, потом отворилась дверь на лестницу и мужчина хрипло спросил:

- Вам плохо?

- Мне хорошо, сука!- крикнул Фроик Но.- Мне очень хорошо! Иди отсюда! Пошел вон к своей сучке! Пшел вон, не то я убью тебя!

Он дышал тяжело, и лицо его полыхало все ярче, казалось, что вся кровь прилила к голове. Он пошел в маленькую ванну, сунул голову под ледяную воду, лицо, однако, не остывало, оно полыхало по-прежнему, и Фроик вдруг закричал от ужаса, потому что заплакал, а он раньше никогда не плакал.

Фроик опустился на корточки: его тянело вырвало, голова закружилась, виски сжало тупой болью. Он заставил себя подняться, вышел в комнату и начал бросать в чемодан свои вещи из маленького, старого шкафа, потом отпихнул чемодан ногой, надел мокрый дождевик и вышел из квартиры; дверь захлопнул, запирать не стал, ключ от квартиры бросил в пролет, спустившись вниз, начал зажигать спички, чтобы найти его, нашел, зажал в кулаке, вышел из подъезда и только там швырнул ключ в тот переулок, что вел к Инвалидам, а потом зашел в ресторан к Кастропосу, тот уже подсчитывал выручку, хотя в зале еще были гости.

- Эй, брат мой,- сказал Фроик Но,- скажи мне, что такое сука? Ты ответь мне, что такое сука? Или побоишься?

- Чего же мне бояться, парень?- Сука - это кошка или собака женского рода... Или шлюха, которая наградила тебя гонореей.

Или друг, который спит с твоей бабой.

- Налей мне стакан виски,- сказал Фрэнк По.- До краев.

Тот плеснул ему на дно. Фрэнк повторил:

- До краев.

- Ты и так под банкой, парень.

- А что сказал? Я намерен ответить тебе, что такое сука...

Он выпил виски до капли; пил тяжело, ощущая тошноту, испытывал желание облевать на эту дубовую стойку.

- Сука - это я, Фрэнк По, понял меня? Только запомни то, что я тебе сейчас сказал: Фрэнк По - грязная, самовлюбленная потаскуха, больной идеолог и актер, добрый парень, борец за свободу человечества, вот что такое сука...

Он достал из кармана стофранковую бумажку, потом вытащил вторую, положил на стойку, и вышел на пустынную, покрытую пузырчатыми лужами мостовую, и пошел вниз, к Сене. Там есть маленькие пансионаты, они меня не найдут, хотя, наверное, станут искать уже сегодня, но важно, чтобы не нашли до утра, потому что я позвоню этому старому засранцу "сэру Все", который собирает факты в Пресс-центре, и расскажу ему факты про себя, а мы именно это и делаем, именно то, чтобы каждый бесстрашно искал свою правду и не боялся говорить об этом вслух...

Он остановился и крикнул:

- Вслух! Это говорю я, Фрэнк По, сука! Пусть они не напечатают меня, они и все такие смелые в баре прессы, они так сопят в кабинете редактора, так ут аккуратны, но я все равно скажу им факты, и про то, как я сидел в машине, и про грека в сером с гвоздиками, это неважно, что никто не напечатает, важно сказать, иначе надо повеситься прямо сейчас, здесь же, на ремне, он ведь у

меня из такой хорошей кожи, испанской, с рисунком,.. ох, и мразь же ты, Фрэнк По, ты ведь все знал, ты знал все.

Был канун рождества. Сплошной, бесконечной стеной светились рекламы и деревья были украшены сотнями разноцветных лампочек. На улице и в магазинах людно. Потоки машин, света, музыки, детского смеха.

Степанов остановился у широкого окна и заглянул в бар: над стойкой, на большом экране телевизора выступал новый премьер-министр Гаринаса Энрике Прадо. Степанов, не отрывая глаз от экрана, открыл дверь, вошел и услышал слова:

- Кровавое злодеяние, совершенное левыми экстремистами, не останется безнаказанным...Те, кто поднял руку на незабвенного героя национальной революции полковника Санчеса, понесут заслуженную кару...Один из них, майор Лопес, уже поплатился за измену...Я призываю народ к спокойствию... В случае каких-либо эксцессов, будет введено военное положение со всеми вытекающими последствиями... Завоевания нашего движения мы намерены защищать железной рукой, без малейших колебаний... Я обращаюсь к офицерам и солдатам центральных казарм с требованием прекратить сопротивление...В случае, если они откажутся выполнять приказания правительства, мы будем вынуждены перейти к действиям, за последствия которых будут отвечать те, кто поддерживает бунт и анархию...

Прадо еще продолжал говорить, но голос его мы не слышим.

Текст: В целом эта акция дала группе Роберта Карра прибыль в сумме 293 миллиона долларов.

Степанов бросил газеты в урну и побрел вдоль улицы.

-"Люди смеются, как ни в чем не бывало,- подумал он,- торопятся к любимым, думают о том, как провести рождество, а седой пареньп по имени Мигель Санчес лежит сейчас под национальным флагом в гробу и его оплакивают те, которые его убили, и все это знают, но молчат...вынуждены молчать.

Я лишний раз ощутил свою малость и ужас людской разобщенности...

"Чужого горя не бывает",- сказал Симонов...Но ведь бывает, увы, бывает...

Словно бы и не случилось горе в несчастном Гаривасе, горе, приближение которого мы ждали и ничего не смогли сделать, чтобы его предотвратить.

Я сделал все, что мог, и Мари тоже, и Стоянов, и Вернье... Если не хватает сил подняться, то и желание похвально...Нет, я облегчаю себе жизнь, мы все норовили сделать так, чтобы было легче смотреть на свое изображение в зеркале, мы все адвокаты самих себя, прекрасные адвокаты".

Стал самому себе не мил, —
Седой старик с душою друга,
Когда б завесть, наконец, друга
И ~~из~~ в горы — последних самых сил
~~Уйти в движенье и беседу.~~

Как ~~дни~~ люб мне цирк. Семи бойцов
~~Сверху в гайрах~~, женщин пошей,
Лазурь сверху
Кинжал дамасский, что в них вложен
И на коне, с обн. грив!

Нарезан не узлы,
(Верни свиту
И одиночеств, как ~~века~~ века
~~Ала, каждый~~, Самый ли ты или Алеко, —
Ложишься в землю, словно лист.

Будь избранник, не бойся веса,
Ищи обзора ~~....~~ глазом
смысл
Глаза своих мудрее рыси, —
~~Хоть~~ Весь звуки в движенье
слишком быстр
Моли ~~себе~~ о медленности всхода,
~~Так в себе~~ не торопясь, не шпоры
коня
Все в мире суета, что модно
Ах, милый мой, пусть меня!

~~Весело грох и бури,~~
Гром-веселье, грусть-/мера
Смысл порочного примера
~~Стихия-дом, тело-вера,~~
Необъяснимый бред
И неизменность принципа
~~Наши слова двойные~~ ~~Заменить не могут~~ ~~масса~~
В чем-то наибольше минус
Или тайный язык
Или алгоритм слова...
Что-то подталкивало ~~подсказало~~ слова
В рассуждение меня...

Сути абстракции ~~заострила~~, предмета
~~Словно начало~~ Как предметы бытия
Как красота структура сути

Я в своей ~~моей~~ жизни много пил ~~пел~~,
Смело часто, пел не мало
И если стихов не хватало,
То хватился избыток сил,
~~Когда нибудь не кормя~~ Взирая себе своих не
(Дразнил врагов), (друзей любил) (были
И жил горе злосчастно
Судьбу свою я не корил:
Жил я в жизни, три года с ней мил,
~~Принимая и добро и зло~~
Равно приемля свет и зло